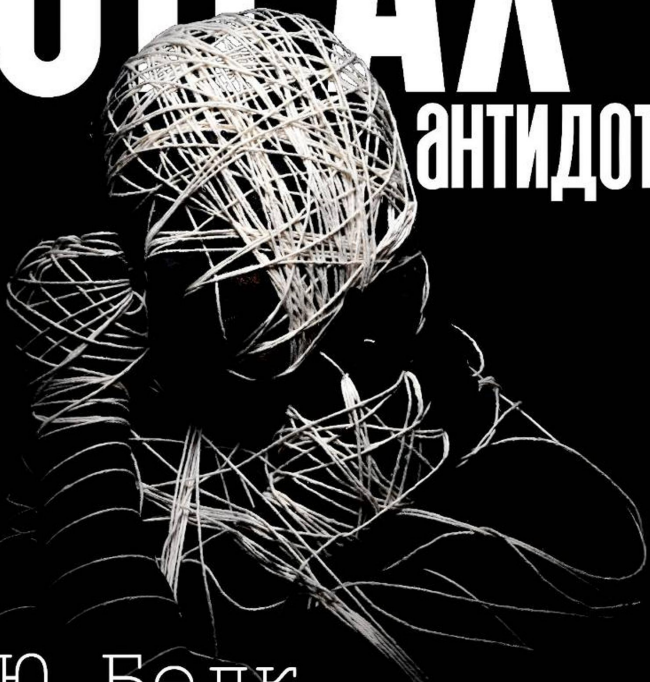
СТРАХ

антидот

Ю. Белк
психолог, физик

18+

Юрий Белк

Страх. Антидот

https://litres.ru/74748753
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы боитесь позвонить, зайти в гости, сказать «нет» или начать заново? Ваша жизнь ограничена страхом, маскирующимся под реальные угрозы.

«Страх. Антидот» — книга о том, как отличить реальные опасности от вымышленных.

Практикующий психолог объясняет, что страх перед экзаменом, свиданием или переездом — это сбой, который можно перенастроить.

Книга учит различать оправданный и беспочвенный страх, управлять эмоциями, чтобы не навредить близким.

Содержание

Глава 1. Медведь, которого нет 5
Глава 2. Сигнализация, которая срабатывает на каждое дуновение 10
Глава 3. Что происходит в теле 16
Глава 4. Как воображение достраивает катастрофу 22
Глава 5. Откуда берутся наши страхи 27
Глава 6. Минутная проверка реальности 33
Часть II. Каталог ситуаций 39
Блок 1. Страх перед действием 40
Глава 7. Почему «просто не бойся» не работает 40
Глава 8. Звонки, сообщения и переписка 46
Глава 9. Начать дело: прокрастинация как форма страха 52
Глава 10. Перемены: переезд, новая работа, начало заново 59
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Юрий Белк
Страх. Антидот

Часть I. Механика страха

Глава 1. Медведь, которого нет

Начну с двух сцен.

Первая. Человек идёт по лесной тропе. Сумерки, кусты по колено, под ногами сухие ветки. И вдруг — примерно на уровне человеческого роста, метрах в тридцати, между стволами — движение. Массивное, тёмное, с характерным раскачиванием плеч.

Мозг не спрашивает разрешения. Не собирает совещание и не взвешивает варианты. За долю секунды тело уже развернулось, ноги решили, куда бежать, сердце гонит кровь к мышцам. Осознание «это медведь» приходит позже, когда человек уже движется. Страх здесь быстрее мысли — и это не поэтическая вольность, а описание того, как он работает. Он оценивает обстановку раньше любых рассуждений, потому что в такой ситуации рассуждения — роскошь.

Вторая сцена. Тот же человек, несколько лет спустя, сидит за столом. Перед ним телефон. На экране — номер. Нужно позвонить по рабочему вопросу: уточнить одну деталь, разговор займёт две минуты. Человек смотрит на номер. Рядом лежит отчёт, который он зачем-то перечитывает в третий раз. За окном что-то происходит — кажется, начинается дождь. Время идёт, чашка остывает, а палец так и не тянется к зелёной кнопке.

Сердце стучит быстрее и там, в лесу, и здесь, за столом.

Ладони чуть влажные в обоих случаях. Дыхание становится короче. Реакция одна и та же: запускается механизм, который в лесу спасает жизнь.

Но задачи перед человеком разные. В лесу ему угрожают триста килограммов мышц и когтей. За столом — «угрожает» двухминутный разговор с человеком, который, скорее всего, ответит спокойно и через сорок секунд вернётся к своим делам.

Если бы различие между этими ситуациями всегда было очевидным, эта книга не понадобилась бы. Дело в том, что изнутри они почти неотличимы. Тело не выдаёт справку о том, реальна угроза или воображаема: сердце в обоих случаях стучит одинаково честно. Медведя от телефонного номера отличает только один вопрос — его можно задать сознательно, когда первая волна уже поднялась:

Что мне сейчас угрожает на самом деле — и какова вероятность, что мне причинят вред?

Это главный вопрос всей книги. Всё остальное — варианты ответа на него.

Ощущение реально. Вывод — не всегда

Сразу договоримся о тоне. Если вы боитесь позвонить, зайти в гости, попросить о повышении или переехать — с вами всё в порядке. Ваша реакция не глупость и не слабость. То, что вы чувствуете, по-настоящему: сердце и правда стучит, во рту и правда пересыхает, желание отложить дело действительно сильно. Это не симуляция и не каприз.

Ощущение реально. А вот вывод, который из него делает мозг, может быть неточным. Это разные вещи, и умение их различать — ключ ко всей книге.

Представим человека, который откладывает звонок. Что происходит у него в голове? Примерно следующее: «Я скажу что-нибудь не то. Меня сочтут бестактным. Разговор испортится. Мне будет стыдно». Заметьте: между «нужно позвонить» и «мне будет стыдно» — несколько скачков воображения, и ни один из них не проверен. Сердце уже стучит из-за последнего предположения, а не из-за самого звонка.

Страх честен в том, что он есть. Но он не всегда честен в том, о чём предупреждает. Сигнал может означать: «Перед вами медведь». А может: «Перед вами неопределённость. Мозг её не любит и потому ставит на полку с надписью „опасность“». Второй вариант встречается несравненно чаще — хотя бы потому, что городскому жителю медведи попадаются редко.

Именно поэтому обычный совет «не бойся» не работает: он предлагает спорить с ощущением. Но спорить с ощущением бесполезно. Попробуйте приказать сердцу не стучать — и убедитесь, что оно не подчиняется приказам. Спорить нужно не с ощущением, а с выводом. Ощущение — факт. Вывод — гипотеза. А гипотезу можно проверить.

«Мне страшно» — это правда. «Значит, это опасно» — предположение. Вся книга посвящена пространству между этими двумя фразами.

Почему медведь — лучший пример из возможных

Можно было бы начать с чего-нибудь более близкого к повседневности: опоздания, экзамена, разговора с начальником. Но медведь выбран не ради драматизма.

У страха перед медведем есть замечательное свойство: он соразмерен угрозе. Если в лесу действительно появился медведь, страх указывает на реальную опасность. Уместная реакция — не приближаться к нему и не провоцировать его, а действовать осторожно и следовать рекомендациям для встречи с диким животным. Никто не скажет человеку в такой ситуации: «Это всего лишь медведь, возьми себя в руки». Сигнал совпадает с реальностью. Это страх в его лучшей форме: точный, полезный, спасающий.

Но жизнь сложнее, чем формула «медведь — правда, телефон — наваждение». Между этими полюсами много всего. Отказ может стать настоящей потерей. Конфликт — стоить работы. Денежная ошибка — обернуться месяцами восстановления. Не каждый страх — ложная тревога, и эта книга никогда не будет утверждать обратное. Её задача — не объявить все ваши страхи выдуманными, а помочь научиться отличать реальную опасность от предполагаемой — каждый раз заново, в конкретной ситуации.

Медведь в этой книге будет появляться снова. Он нужен как эталон: ситуация, в которой сигнал совпадает с угрозой. Всё, что не медведь, — предмет проверки.

Что вы найдёте дальше

Первая часть книги разбирает механизм страха: почему сигнализация настроена так чувствительно, что происходит в теле, как воображение достраивает катастрофу из обрывка факта и откуда берутся наши личные страхи. В конце первой части появится инструмент — короткая проверка, которая занимает меньше минуты. Дальше он пригодится в самых разных ситуациях: от звонков и сообщений до визита к врачу и разговора о деньгах.

Ничего из этого не потребует от вас смелости в киношном смысле. Не нужно будет кричать, прыгать через пропасть или «переступать через себя». Понадобится только точность: заметить сигнал, задать вопрос и честно посмотреть, что за ним стоит.

А пока вернёмся к человеку за столом с телефоном. Что его остановило? Не лень и не отсутствие повода. Его остановило мнение собственной сигнализации о том, что разговор опасен. Но этому мнению можно задать вопрос. С него всё и начинается.

Глава 2. Сигнализация, которая срабатывает на каждое дуновение

Тот, кто устанавливал датчик движения, знает эту проблему. Настроишь его слишком нечувствительно — он пропустит настоящего гостя. Настроишь слишком чутко — датчик будет поднимать тревогу из-за кошки, тени от шторы или собственного корпуса, нагревшегося от батареи. Идеальной настройки не существует. Каждый раз приходится выбирать, что хуже: пропустить угрозу или лишний раз поднять тревогу на пустом месте.

Живая сигнализация — та, что есть у каждого из нас, — этот выбор уже сделала. Её настройки сформировались задолго до появления городов, телефонов и собеседований. Пропущенная угроза могла стоить жизни, а ложная тревога — лишь нескольких минут беспокойства. В таких условиях выгоднее было перестраховаться. Предки, которые иногда пугались зря, имели больше шансов выжить, чем те, кто не замечал опасности. Мы унаследовали эту склонность — все мы, пусть и в разной степени.

Поэтому страх настроен не на точность, а на осторожность. Он предпочитает ошибиться в сторону «страшно» — часто и систематически. Это не сбой, а особенность конструкции. Сигнализация, которая никогда не срабатывает ложно, однажды может не заметить настоящую угрозу.

Понимание этого многое меняет. Если сигнализация воет на каждое дуновение, это ещё не значит, что в доме воры. Но и не значит, что она сломана. Она работает в том режиме, для которого сформировалась, — в мире, где «лучше перестраховаться» часто означало «выжить». Мир с тех пор изменился быстрее, чем настройки: медведей стало меньше, звонков — больше, а сигнализация осталась прежней.

Две разные вещи, которые мы называем одним словом

Есть ещё одна особенность старой сигнализации — и она объясняет многое из того, о чём пойдёт речь дальше.

Она формировалась для мира, где угроза либо есть прямо сейчас, либо её нет. Тигр либо прячется в кустах, либо нет. Обрыв либо под ногами, либо нет. В её распоряжении не было режима «тигр, возможно, появится через три месяца». А в нашей жизни такой режим есть: экзамен в пятницу, разговор в понедельник, письмо, которое должны прислать на этой неделе. Во многих ситуациях угроза ещё не возникла — есть лишь вероятность, что она возникнет. Но сигнализация реагирует на неё единственным знакомым ей способом: как на то, что происходит сейчас.

Отсюда — различие, на котором держится вся книга.

Страх перед происходящим. Медведь вышел на тропу. Автомобиль занесло на вашу полосу. На кухне пахнет газом. Здесь есть конкретная опасность и необходимость действовать немедленно: отступить, свернуть, перекрыть вентиль, увести ребёнка. Такому страху не нужен анализ — ему ну-

жен ответ. Задержка может дорого обойтись.

Тревога о возможном будущем. «А вдруг мне не позвонят?» «Что, если на собрании спросят о том, чего я не знаю?» Здесь перед нами не сама угроза, а прогноз — иногда обоснованный, иногда нет. Ему нужен не немедленный ответ, а пауза и проверка: на чём основано предположение, насколько вероятен такой исход, что можно сделать сейчас, а что придётся решать, если он действительно наступит.

Тело может отвечать на оба сигнала похоже. В этом и ловушка: чтобы различить «опасно» и «неизвестно», порой нужно остановиться и подумать.

Сразу сделаю важную оговорку, чтобы к ней не пришлось возвращаться в неподходящем месте. Это различие не всегда очевидно. Переулок в темноте — повод тревожиться о возможной угрозе или уже непосредственная опасность? Токсичный коллектив — прогноз или ситуация, которая вредит прямо сейчас? Иногда будущее совсем близко, а сейчас угрозы ещё нет; граница между «грозит» и «грозит когда-нибудь» размывается. Это нормально. Проверка, о которой пойдёт речь в главе 6, нужна именно для таких случаев: она не раскладывает ситуации по идеальным категориям, а помогает выбрать соразмерный ответ, когда он неочевиден.

Зачем об этом знать сейчас

К этому моменту у читателя может сложиться впечатление, будто автор считает почти всякий страх ошибкой и предлагает его игнорировать. Это не так — и это принципи-

ально важно.

Сигнализация может ошибаться в обе стороны. Ложная тревога — когда она срабатывает на пустом месте: из-за звонка, встречи или сообщения «нам нужно поговорить», которое в итоге оказывается вопросом о планах на выходные. Это случается часто, и большая часть книги посвящена именно этому.

Но бывает и обратная ошибка — пропущенная угроза. Иногда сигнализация молчит, хотя стоило бы насторожиться. И это может происходить по тем же причинам, по которым она иногда срабатывает зря: её настройки сформировались под влиянием определённого опыта. Человек, привыкший к нездоровым отношениям, может годами не замечать, что с ним плохо обращаются: тревога у него связана не с самим фактом плохого обращения, а, например, только с вспышками гнева. Человек, который давно откладывает заботу о здоровье, может не испытывать тревоги из-за отложенного обследования. Напротив, тревога может включаться именно тогда, когда нужно записаться к врачу, и отталкивать от кабинета.

Поэтому проверка страха работает в обе стороны. Важно спросить не только «откуда эта тревога?», но и «о чём молчит мой страх, пока я откладываю?». Спокойствие тоже бывает ложным.

Громкость и настройка

Есть ещё одно следствие устройства сигнализации — и

оно утешительнее, чем кажется.

Если настройки достались нам, а не были выбраны нами, значит, чувствительность — не черта характера и не моральный недостаток. «Тревожный» и «беспечный» — не два типа людей, один из которых лучше другого. Скорее, это разные исходные настройки, на которые влияют наследственность и опыт. У кого-то датчик работает тише — возможно, благодаря особенностям темперамента или опыту, в котором тревога была не нужна. У кого-то — громче: например, потому что в прошлом молчание сигнализации однажды обошлось слишком дорого. Никто не выбирал эти настройки сознательно.

Но исходная настройка — не приговор. Чувствительность можно корректировать, как и любой навык: не отключать сигнал совсем, а менять то, как мы на него отвечаем. Об этом мы поговорим дальше — особенно в главе 5, где разберём, откуда берутся «записи», по которым датчик судит о мире, и в главе 30, где станет понятно, почему перенастройка происходит небольшими шагами, а не по приказу.

Пока достаточно зафиксировать одно. Страх не обвиняет вас — он сообщает. Иногда его сообщение верно, иногда нет, но источник у него тот же, что у вашего сердцебиения и дыхания: старая система, которая продолжает работать и, по-своему, старается вас защитить. Она не враг, с которым нужно бороться. Это извещатель, с которым стоит научиться разговаривать.

А чтобы делать это осмысленно, полезно понимать, что происходит в теле, когда срабатывает сигнализация: что это за волна, откуда берутся ком в горле и ватные ноги и почему пик тревоги со временем проходит. Этим займёмся в следующей главе.

Глава 3. Что происходит в теле

Вернёмся на секунду в лес из первой главы. Медведь замечен — и вот что происходит дальше, в первые секунды, ещё до того, как появляются слова.

Сердце начинает биться быстрее и качать кровь интенсивнее. Учащается дыхание. Мышцы получают больше крови и готовятся к нагрузке — отсюда дрожь или внутренняя вибрация, будто по рукам пустили ток. Зрачки расширяются, а внимание сужается: в сильном страхе человек часто перестаёт замечать, что происходит по сторонам. Кожа покрывается испариной — тело заранее включает охлаждение. Кровоток перераспределяется в пользу мышц, поэтому ладони могут холодеть, а во рту — пересыхать. Пищеварение замедляется: отсюда ком в горле или «стягивание» под ложечкой.

Всё это — мобилизация. Тело переходит в режим, который помогает бежать, драться, тащить, прятаться. Это не поломка и не слабость, а древняя система, сложившаяся в ходе эволюции. Она хорошо работает.

Проблема не в самой реакции. Проблема в том, что она срабатывает не только на медведя, но и на номер телефона.

Одинаковая реакция, разный контекст

Если расспросить людей, что они чувствуют перед волнующим разговором, получится почти тот же список: сердце бьётся быстрее, ладони влажные, дыхание становится корот-

ким, в животе всё замирает. Кто-то добавит дрожь в голосе, жар или озноб, ощущение нереальности — «как будто смотрю на себя со стороны». У кого-то подкашиваются ноги или возникает желание уйти в туалет.

Тело может отвечать на разные угрозы похожим набором реакций: оно не всегда различает медведя и совещание. Оно реагирует на то, что воспринимает как опасность. А поскольку в современной жизни угроза чаще бывает не физической, реакция порой кажется странной: вы сидите за столом, вас никто не трогает, а сердце колотится и руки дрожат. Будто приборы вышли из строя.

Но приборы в порядке. Они сообщают о мобилизации, которую запустил прогноз в голове: «сейчас случится что-то плохое».

Волна, которую усиливает наблюдение

Здесь важно понять один механизм — он объясняет многое, в том числе то, что называют панической волной.

Симптомы тревоги могут усиливать друг друга по кругу. Страх вызывает учащённое сердцебиение. Человек замечает его и думает: «Со мной что-то не так». Эта мысль сама по себе тревожна, тревога усиливается, сердце начинает биться ещё быстрее — и круг замыкается. Тревога о тревоге может сделать волну особенно резкой. Её подпитывает не только исходный повод, но и наблюдение за собственным состоянием с выводом: «Я теряю контроль».

Из этого следует и возможный способ выйти из круга. Не

пытаться приказать сердцу успокоиться — оно не подчиняется приказам, — а изменить второе звено: не воспринимать учащённое сердцебиение как катастрофу. Это не пустое обещание «успокоитесь — и всё пройдёт». Это наблюдение: если не подливать топлива в тревогу страхом перед собственными ощущениями, волна обычно постепенно спадает. У отдельной тревожной волны есть пик, после которого напряжение начинает снижаться. Обычно это занимает минуты, хотя изнутри в моменте может казаться, что тревога будет только нарастать.

Ещё одна важная оговорка. Быстрое сердцебиение, дрожь, жар и одышка бывают не только при тревоге. Если симптом новый, необычно сильный или вызывает сомнение, стоит обратиться к врачу, а не ограничиваться дыхательным упражнением. Боль в груди, которой вы прежде не испытывали, — повод обратиться за медицинской помощью. Онемение половины лица — тоже. Тревога может имитировать разные состояния, но самостоятельно надёжно отличить её от симптомов, требующих помощи, не всегда возможно. Обращение к врачу и работа с тревогой не исключают друг друга.

Читать сигналы как данные

Как относиться к телесным ощущениям? Так же, как к самому страху: воспринимать их как данные, а не как приговор.

Сердце стучит быстрее — это факт. Вывод «я умираю» или «я теряю контроль» — интерпретация, которая может

оказаться неверной. Между фактом и интерпретацией — то же расстояние, что между «мне страшно» и «значит, это опасно» из первой главы. Тело сообщает о возбуждении. Что оно означает в конкретной ситуации — можно оценить, опираясь на обстоятельства.

Замечу и обратное: сильная реакция не обязательно означает большую опасность, а слабая — не доказывает, что опасности нет. Иногда звонок вызывает бурную мобилизацию, хотя реальной угрозы нет; иногда серьёзное решение, например переезд с детьми в другой город, переживается довольно спокойно. Интенсивность ощущений — ненадёжный измеритель опасности. Это ещё один довод в пользу проверки, о которой пойдёт речь в главе 6.

Три приёма на пять минут

Ничто из перечисленного не лечит тревогу. Это инструменты, которые могут помочь пережить волну и вернуть себе работоспособность. У каждого — своё назначение, и разные приёмы подходят разным людям. Попробуйте их и оставьте те, что помогают именно вам.

Дыхание с удлинённым выдохом. Вдохните на четыре счёта, выдохните на шесть или восемь. Смысл не в «наполнении кислородом», как часто говорят. Более длинный выдох может помочь снизить возбуждение нервной системы. Несколько минут такого дыхания иногда дают телу сигнал: «Бой окончен, можно сбавить обороты». Это не гарантированно остановит тревожную волну, но может сделать её сла-

бее. Упражнение занимает две-три минуты, и его можно выполнить даже в очереди.

Заземление через пять чувств. Найдите вокруг себя пять вещей, которые видите, четыре звука, которые слышите, три предмета или поверхности, которых можете коснуться, два запаха и один вкус. Порядок не принципиален. Важно переключить внимание на настоящее, а не на прогнозы. Это можно сделать в очереди, в лифте или перед дверью кабинета — чтобы вернуться из мыслей о том, «что будет через час», к вопросу «где я сейчас».

Ритмичная физическая нагрузка. Быстрая ходьба, подъём по лестнице, приседания, мытьё пола — любая посильная монотонная работа. Мобилизованные мышцы готовы действовать; движение помогает дать им эту работу. Иногда десяти-пятнадцати минут быстрой ходьбы достаточно, чтобы стало легче: телу проще переключиться, когда у него появляется понятная задача. Нагрузка должна быть комфортной и безопасной для вас.

Есть и вариант «ничего из этого не подходит» — это тоже рабочий ответ. Иногда волна проходит, пока вы просто сидите и пьёте воду. Не каждой волне нужны специальные инструменты.

Что забрать из главы

Телесная реакция — не поломка, а мобилизация, запущенная прогнозом. Симптомы могут усиливать друг друга, если наблюдать за ними с паникой; стоит разорвать этот круг

— и волна часто становится слабее. Телесные ощущения — данные, а не приговор, и ненадёжный измеритель опасности. Если симптомы новые, необычно сильные или вызывают сомнение, обратитесь к врачу.

Остался последний слой механики: откуда берётся сам прогноз, ради которого всё это запускается. Как воображение за считаные секунды превращает нейтральный факт в катастрофу — и как замедлить этот процесс. Об этом — в следующей главе.

Глава 4. Как воображение достраивает катастрофу

Человек собирается позвонить. Между намерением и набором номера проходит четверть часа. Вот как это выглядит изнутри:

«Мне нужно позвонить». Это факт. Дальше начинается незаметное движение: «Я скажу что-то не так». Уже не факт. «Меня сочтут некомпетентным». Ещё один шаг. «В следующий раз со мной будут разговаривать неловко». «Из-за этого испортятся отношения». «Я всё испорчу».

Каждый шаг кажется логичным — хотя его ни разу не проверили. Мозг не замечает подмены: вместо «мне нужно позвонить» в голове уже звучит «я всё испорчу». Сердце стучит из-за последнего звена цепочки, а не из-за самого звонка. Тело готовится к катастрофе, которой ещё не было и, скорее всего, не будет.

Заметьте, сколько времени занимает эта достройка. Две-три секунды. Не часы тревоги — секунды. Воображение работает быстрее рассуждений, и в этом его сила и его подвох.

Монтажёр, склеивающий кадры

В ситуации тревоги воображение работает как монтажёр. Он получает несколько кадров — звонок, лицо собеседника, паузу в трубке — и склеивает из них фильм. Склейки настолько плавные, что зритель не замечает переходов и

принимает готовый сюжет за реальность. Он не видел, как фильм собирался, — перед ним уже целая история.

У этого монтажа есть и жанровое предпочтение: монтажёр почти всегда снимает триллер. Неблагоприятные исходы прорисовываются ярко, в деталях: интонация, с которой собеседник скажет «ну-у», мимолётное выражение недовольства, неловкая пауза. Позитивные исходы, если и появляются, то мельком, бледно и без подробностей. Не потому, что плохое вероятнее, а потому, что мозг — по логике, разобранной во второй главе, — привык перебирать опасности: пропустить плохой сценарий дорого, пропустить хороший — почти ничего не стоит.

И вот важное следствие, которое стоит проговорить прямо: яркая картинка — не доказательство. Интенсивность воображения говорит о том, как мы перебираем сценарии, а не о том, насколько вероятен каждый из них. Мы можем очень живо представлять редкие события и почти не замечать того, что происходит постоянно. Картина в голове — это картинка, а не статистика.

Замедлить плёнку

Антидот здесь — не «запретить себе воображать». Это невозможно и не нужно: воображение выполняет и полезную работу, например помогает понять, к чему подготовиться. Антидот — замедлить склейку и разглядеть переходы между кадрами.

Для этого можно задать себе три вопроса. Лучше сделать

это не на пике тревоги, а сразу, как только вы заметили, что фильм уже начался.

Что я знаю наверняка? Факты — это то, что можно проверить: «У меня есть номер», «У меня есть вопрос», «Разговор ещё не начался». Всё остальное — не знание, а прогноз. Различие кажется очевидным, но в тревожный момент именно оно забывается первым: тревога бесшумно выдаёт прогнозы за факты.

Что я предсказываю? Важно назвать прогноз конкретно — не «всё пойдёт плохо», а «собеседника раздражит, что я задаю простой вопрос». Конкретный прогноз можно проверить, абстрактную тьму — нет. Чем точнее сформулировано предсказание, тем легче его оценить.

Какие ещё исходы возможны? Не для утешения, а ради честности: «Собеседник ответит нормально и забудет», «Ответит неохотно, но всё же ответит», «Не ответит — и я перезвоню позже», «Ответит, и вопрос решится за сорок секунд». Пока мы перечисляем варианты, монолитное «я всё испорчу» распадается на несколько разных историй.

Два различия, которые стоит запомнить

Из этих трёх вопросов следуют два важных различия — коротких, но на них держится половина книги.

Неприятный исход — не то же самое, что опасный. Неловкий разговор неприятен. Отказ неприятен. Чужое недовольство неприятно. Но «неприятно» и «опасно» — разные категории. Неприятное портит настроение, опасное угрожает

жизни или здоровью. Тревога часто подменяет одно другим. Человек, который боится позвонить, в глубине души боится не неловкой беседы — он переживает так, будто разговор может причинить ему физический вред. Понять, что именно неприятно и насколько, — уже половина пути к выходу.

Вероятность события — не то же самое, что его неизбежность. «Возможно, я скажу что-то не так» — утверждение о вероятности. «Я скажу что-то не так» — та же вероятность, выданная за факт. Тревога любит опускать слово «возможно», и в этом пропуске умещается большая часть катастроф. Верните это слово — и прогноз теряет вес, потому что становится тем, чем и является: одним из возможных вариантов.

Есть важная оговорка: эти различия не нужны для того, чтобы объявить всё «не страшным». Иногда исход действительно опасен, а событие почти неизбежно. Тогда задача не в переименовании, а в подготовке: что сделать заранее, как снизить цену ошибки, где найти поддержку. Проверка не заменяет оценку — она делает её возможной.

Что делать дальше

В обычной ситуации это может выглядеть так. Человек замечает, что уже четверть часа смотрит на телефон. Называет прогноз: «Боюсь, что скажу глупость». Проверяет его: факт — «разговора ещё не было»; возможные исходы — «нормальный разговор, неловкий разговор, никто не ответит»; цена худшего из них — «несколько минут неловкости, не больше». Теперь можно принять соразмерное решение: по-

звонить, отложить звонок до конкретного времени или задать вопрос письменно.

Заметьте, что происходит: это ещё не звонок, а подготовка к решению о звонке. И это нормально: сначала точность, потом действие.

Остался последний шаг в этой механике. Мы разобрали, как страх работает сейчас, — но не откуда он берётся. Почему у одного человека катастрофа достраивается вокруг звонков, а у другого — вокруг врачей или денег? Как складываются представления, по которым наша внутренняя сигнализация оценивает мир, и почему их так трудно изменить? Этим займётся следующая глава.

Глава 5. Откуда берутся наши страхи

Почему у одного человека сигнализация воет на звонки, а у другого — на врачей? Почему кто-то не может попросить о повышении, а кто-то — отказать? Если бы страх был только встроенным механизмом, о котором шла речь во второй главе, мы все боялись бы примерно одного и того же. Но у каждого свой каталог страхов — и он не случаен.

Страхи не появляются из воздуха. У каждого есть источник, и чаще всего их три.

Первый источник: собственный опыт

Это самый понятный источник. Однажды человеку стало неловко или страшно — например, в детстве он потерялся на рынке, а рядом не оказалось знакомых лиц. Мозг сохранил связь: «Большое скопление людей — место, где может случиться беда». Эта запись не обязательно формулируется словами. Она может проявляться как тревога, едва человек оказывается в толпе.

То же происходит и в бытовых ситуациях. Человек в пятнадцать лет попросил в столовой добавки, услышал смех — и теперь двадцать минут собирается с духом, прежде чем обратиться с просьбой к коллеге. Сознательно он давно забыл столовую. Но связь могла сохраниться.

Важно понимать: мозг может закреплять реакцию не только на физическую опасность, но и на болезненный опыт —

стыд, испуг, унижение. Всё это может попасть в условную категорию «неприятное, избегать». Поэтому страх порой кажется нелогичным: чтобы понять, чего именно боится человек, иногда нужно знать, что он пережил.

Второй источник: чужие истории

Мозгу не обязательно получать опыт лично, чтобы усвоить урок. Иногда достаточно чужой истории.

Это могут быть пугающие рассказы родителей — особенно сказанные тоном: «Держись от него подальше, он из неблагополучной семьи». Услышанное в шесть лет может сохраниться как правило: незнакомые люди опасны.

Новости тоже становятся источником таких записей. Каждый налёт, кризис или скандал — ещё одна история, попавшая в общий поток. А подают их часто в форме, особенно удобной для запоминания: ярко, с картинками, без контекста и статистики. Мозг принимает чужой опыт близко к своему и усваивает общее впечатление: «Люди часто попадают в такие истории».

Именно поэтому человек, никогда не переживавший авиационную катастрофу, всё же может бояться летать: он накопил достаточно чужих историй, чтобы сигнализация начала срабатывать.

Третий источник: культура

Особенно громко страхи звучат там, где их поддерживает традиция: «Не высовывайся». «Инициатива наказуема». «Не выноси сор из избы». «Просить стыдно».

Каждая такая формула когда-то могла обобщать чей-то опыт и помогать сообществу выживать. Но сегодня она может работать уже не как совет, а как ограничитель: человек не просит, не говорит о недовольстве, не пробует — и воспринимает это не как «мне страшно», а как «так надо».

Культурные установки особенно стойкие и незаметные: их поддерживает не только личный опыт, но и окружение. Изнутри их трудно распознать — они маскируются под «здравый смысл», «воспитанность», «так принято». Заметить их можно, задав себе вопрос: что именно страшного случится, если нарушить это правило? Часто конкретного ответа нет — есть только сильная тревога.

Почему записи так стойки

Вот самый неудобный вопрос: почему человек годами боится звонить, хотя ни один из его звонков не закончился катастрофой?

Потому что избегание не даёт мозгу узнать, что произошло бы на самом деле.

Запись «звонок — опасно» меняется, когда человек звонит и получает новый опыт. Но если он избегает звонка, новых данных не появляется. При этом мозг может сделать сразу два вывода. Первый: «Раз я не позвонил, значит, опасность была реальна — иначе зачем я себя останавливал?» Второй: «Я так и не узнал, чем всё могло закончиться». Прежний прогноз остаётся на месте.

Заметьте, как ловко работает эта логика. Избегание вы-

глядит как осторожность, а на деле может укреплять страх. Каждый раз, когда человек выбирает обходной путь, ему проще поверить: «Там действительно страшно. Хорошо, что я не пошёл». Мозг заключает: «Всё правильно, угроза была — мы просто не дали ей случиться». Прогноз не проверен, а значит, и не обновлён.

С годами такая запись не обязательно слабеет сама собой. Напротив, к ней может добавиться новое подтверждение: «Я всегда так поступаю и до сих пор в порядке».

Отсюда главный вывод этой главы: страхи не всегда рассасываются со временем и не исчезают по одному лишь усилию воли. Они меняются благодаря новому опыту. Не только разговорам о страхе и пониманию его происхождения, но и безопасным ситуациям, в которых прежний прогноз можно проверить.

Как меняются записи

Хорошая новость: записи не высечены в камне. Мозг учится всю жизнь — иначе человек навсегда остался бы со страхами, усвоенными в детстве.

Представим, что человек много лет не просил о помощи: ему было страшно. А потом однажды он всё-таки попросил. Получил отказ — неприятно, но пережил его. Получил согласие — неожиданно и полезно. В обоих случаях прогноз «случится что-то невыносимое» столкнулся с реальностью. И реальность оказалась сложнее, а возможно, и проще, чем ожидалось.

Новый опыт не всегда сразу меняет привычную реакцию. Но если он повторяется, связь может ослабнуть. Через несколько таких попыток человек способен заметить: «Просить можно. Отказ неприятен, но я могу с ним справиться».

Это правило работает со многими страхами. Не нужно совершать героический рывок — важнее повторение. Небольшие проверки дают мозгу новые данные. Именно поэтому в этой книге так много маленьких шагов: одного большого рывка часто недостаточно, а новые записи складываются постепенно.

Есть тонкость, о которой стоит помнить: важно не только совершить действие, но и заметить, что при этом произошло. Если человек пришёл на неловкую встречу, но всё время смотрел в стол и думал лишь о том, как поскорее уйти, он мог не заметить, что именно случилось и чем всё закончилось. Тогда новому опыту труднее повлиять на прежний прогноз. Подробнее об этом — в главе 30, где будет предложен алгоритм.

Что у нас есть к этому моменту

Мы разобрали механизм. Сигнализация настроена перестраховываться; тело мобилизуется и перед лицом медведя, и перед телефонным звонком; воображение достраивает катастрофу из обрывка. А установки, по которым всё это происходит, возникают из личного опыта, чужих историй и культуры. Когда мы избегаем ситуаций, эти установки могут оставаться непроверенными.

Остался ещё один шаг — превратить понимание в инструмент. В следующей главе будет короткая проверка, которая занимает меньше минуты и помогает в моменте: когда тревога уже поднялась, а решение ещё не принято.

Глава 6. Минутная проверка реальности

Пять глав мы разбирали, как устроен страх: сигнализация перестраховывается, тело мобилизуется, воображение склеивает катастрофу, а старые записи мешают получать новые данные. Теперь соберём всё это в инструмент — короткий, всегда под рукой и полезный в моменте: перед звонком, встречей или важным решением.

Он называется минутной проверкой реальности. На неё действительно уходит меньше минуты. Правда, в первые недели может понадобиться больше времени — и это нормально: любой навык сначала требует внимания, а потом становится привычным.

Всего три вопроса. И именно в этом порядке.

Вопрос первый: есть ли непосредственная угроза безопасности?

Не «есть ли риск вообще», а «происходит ли прямо сейчас что-то, что может причинить вред здесь и сегодня?».

Запах газа на кухне — да. Незнакомая компания на вечеринке — нет. Задержка зарплаты на неделю — неприятность, но не непосредственная угроза. Если зарплаты нет уже месяц, а счета пусты, ситуация может стать серьёзной — и это как раз повод внимательно отнестись к первому вопросу.

Если ответ — «да, угроза непосредственная», проверка

заканчивается. Дальше не самоанализ, а действие: уйти, защититься, позвать на помощь, принять меры. Здесь не нужно останавливаться и разбираться в своих ощущениях: медведю всё равно, что вы о нём думаете.

Все остальные инструменты книги предназначены для случаев, когда непосредственной угрозы нет, но тревога есть.

Этот вопрос стоит первым не случайно. Он защищает от неверного применения метода: опасно внушать себе, будто любая тревога — ошибка. Тревога, которая говорит «выйдите из этого подъезда», заслуживает внимания, даже если невозможно доказать, что подъезд опасен.

Вопрос второй: на чём основан мой прогноз?

Здесь пригодится различие из четвёртой главы — между фактами и предположениями. Теперь оно превращается в вопрос, который можно задать себе за несколько секунд.

Прогноз: «Собеседник будет раздражён». На чём он основан? Вы видели, как собеседник раздражался по этому поводу? Или это предположение, собранное из обрывков чужих историй и одного давнего неловкого разговора?

Ответ может быть таким: «У меня есть два наблюдения: однажды он ответил резко, а сегодня я не знаю, в каком он настроении». Это уже не беспочвенная тревога, а набор данных, с которым можно работать.

Если есть возможность, полезно добавить конкретику и цифры. «Вероятно, я опоздаю» — насколько вероятно: всегда, часто, иногда? «Потеряю деньги» — сколько именно в

самом неудачном варианте? Конкретность нужна не для того, чтобы точнее себя напугать, а чтобы вернуть прогнозу реальные размеры. Абстрактная катастрофа безгранична; конкретная обычно оказывается меньше, чем представлялась.

Бывает и так, что фактов нет совсем, а тревога держится на ощущении: «Я просто чувствую, что что-то не так». Это не опровержение и не доказательство. Это информация о том, что мозг реагирует на неопределённость. Важно лишь не путать эту реакцию с данными о самой ситуации.

Вопрос третий: какой шаг соразмерен ситуации?

Проверка имеет смысл, только если помогает выбрать, что делать. Ключевое слово здесь — соразмерный.

Есть четыре варианта действий — каждый подходит для своей ситуации.

- Защититься — если риск реален и непосредственен.

- Подготовиться — если предстоит действительно непростое событие, к которому можно подготовиться: продумать речь, узнать больше о новом городе, составить бюджет.

- Уточнить — если неопределённость можно уменьшить звонком, вопросом или запросом.

- Попробовать — если между вами и желаемым стоит лишь вероятность неловкости, которую можно пережить.

Заметьте: «попробовать» — не героический поступок, а обычный вариант. И «отложить» — тоже допустимое решение, если у него есть срок: «Вернусь к этому в четверг, после разговора с бухгалтерией». Отложить до определённой даты

— значит принять решение. Отложить без срока — значит, возможно, избегать, как мы говорили в пятой главе.

Чего проверка не делает

У инструмента есть три ограничения. Без них он может превратиться в способ обманывать себя.

Проверка не объявляет страх ложным. Иногда вывод будет таким: «Да, здесь есть реальный риск». Тогда задача не в том, чтобы подтолкнуть вас к действию, а в том, чтобы помочь понять, чего именно вы боитесь и какой ценой может обернуться риск. Отказ, уход из опасной ситуации и просьба о помощи — возможные результаты проверки, а не её провал.

Проверка не заменяет оценку риска, а помогает её провести. Её цель — не «перестать бояться», а понять, чего именно вы боитесь и насколько это вероятно.

Проверка не всегда подходит, когда тело уже на пределе. Если тревожная волна захлестнула, сначала попробуйте дыхание с удлинённым выдохом или короткую физическую нагрузку из третьей главы, а затем задайте себе вопросы. Лучше всего проверка работает, когда вы можете спокойно обдумать ситуацию. Поэтому полезно потренироваться на несложных случаях — позвонить в справочную, узнать цену, задать вопрос на встрече, — прежде чем применять её к тому, что пугает сильнее всего.

Проверка в обратную сторону

Есть и вторая половина метода, о которой часто забывают.

Раз в неделю полезно спросить себя: о чём мой страх молчит?

Где вы откладываете визит, который давно пора сделать? Где соглашаетесь на то, что вызывает внутреннюю тревогу, хотя сам голос тревоги звучит тихо? Где тревога сначала была, а потом исчезла — не потому, что ситуация разрешилась, а потому, что вы к ней привыкли?

Спокойствие тоже стоит проверять. Сигнализация, настроенная на мир, где человек часто тревожился, может перестать замечать то, к чему он приспособился.

Как выглядит вся минута

Представим человека, который третий день не решается написать бывшему коллеге: ему нужен совет по работе, но они давно не общались.

Прогноз: «Будет неловко. Я лезу, куда меня не звали».

Проверка. Непосредственной угрозы нет. На чём основан прогноз? На предположении, что долгая пауза в общении означает: «Писать нельзя». Возможные исходы: коллега ответит, не ответит или ответит прохладно. Худший из них — несколько дней неловкости из-за молчания. Это неприятно, но не катастрофа.

Соразмерный шаг — отправить короткое сообщение с конкретным вопросом и без завышенных ожиданий. Не «надо было бы как-нибудь к тебе вернуться», а: «Мне нужен твой взгляд на одну задачу. Можно спросить?»

Вся проверка занимает около сорока секунд. Не потому,

что страх перестал существовать, а потому, что прогноз теперь назван, ограничен и сопоставлен с реальностью. Дальше — небольшое действие из главы 30. До него мы ещё дойдём.

Часть II. Каталог ситуаций

Это справочное ядро книги: девятнадцать глав, каждая из которых — самостоятельная «аптечка». Главы сгруппированы вокруг четырёх тем: действие, оценка, близость и перемены.

Блок 1. Страх перед действием

Глава 7. Почему «просто не бойся» не работает

Эта глава открывает каталог ситуаций, поэтому начнём с того, что подсказывает опыт миллионов разговоров. Когда человек делится тревогой, самый частый ответ звучит так: «Да ладно, чего ты боишься? Просто не бойся и сделай». Ответ доброжелательный, произнесённый с лучшими намерениями, — и почти никогда не работает. Если бы «просто не бойся» помогало, этой книги бы не было.

Разберёмся почему.

Что происходит с приказом

Приказ «не бойся» обращён к ощущению. Но ощущение, как мы выяснили в первой части, приказам не подчиняется: сердце стучит по команде сигнализации, а не воли. Поэтому единственный результат такого приказа — к первому слою тревоги добавляется второй.

Теперь человек тревожится не только из-за звонка, но и из-за того, что тревожится. «Мне страшно» превращается в «мне страшно, и это плохо; раз я до сих пор не позвонил, значит, я не справляюсь». Слои нарастают, и в какой-то мо-

мент силы уходят уже не на дело, а на борьбу с собственной реакцией. Это утомляет сильнее самого дела — и именно такое состояние часто описывают словами: «У меня нет сил».

Есть и второй, более коварный эффект. В приказе «не бойся» скрыт упрёк: если ты боишься, значит, с тобой что-то не так. Человек начинает стыдиться реакции, доставшейся ему по наследству, как рост или цвет глаз. Стыд не снижает тревогу — он заставляет её скрывать. Теперь человеку страшно, но ему страшно и признаться в этом, поэтому просить о поддержке становится ещё труднее.

Избегание: облегчение, которое дорого стоит

Пока человек не позвонил, облегчение кажется доказательством правильности решения. Тело выдыхает, плечи опускаются, давящее чувство уходит — значит, будто бы и тревожиться было не о чем.

Но у облегчения есть цена, и счёт приходит позже. Избегание — это то, о чём шла речь в пятой главе: каждый раз, когда человек не звонит, мозг не получает новых данных, которые могли бы скорректировать прогноз. Предположение «звонок опасен» остаётся непроверенным. Хуже того, избегание выглядит как успех: «Я не позвонил, и ничего плохого не случилось». Мозг делает вывод: стратегия работает. И на следующий день звонок даётся чуть труднее.

Через несколько месяцев такой практики появляется мысль, которую почти все боятся произнести вслух: «Я бы не справился, если бы попробовал». Но это не наблюдение, а

результат тренировки. Полгода избегания — полгода упражнений в том, чтобы не пробовать. Мозг усваивает то, что повторяется.

Здесь важно сказать честно: избегать или отложить — не всегда глупость. Иногда отложить разговор действительно правильно, и глава 6 объясняет, как отличить одно от другого. Проблема не в отдельной отсрочке, а в системе: когда всё тревожное отправляется «на потом», а «потом» никогда не наступает, человек расплачивается за спокойствие собственными целями. Звонок не сделан, просьба не высказана, знакомство не начато — и жизнь постепенно сужается до размеров, в которых не страшно.

Выполнимая цель вместо немедленной смелости

Что можно предложить вместо приказа? Поменять цель.

«Не бояться» — цель невыполнимая: непонятно, за какой рычаг потянуть, чтобы её достичь. «Действовать, даже если немного страшно» — цель выполнимая: действия зависят от нас, ощущения — нет. Разница между этими формулировками — не мелочь, а граница между работающим подходом и советом «возьми себя в руки».

В этой логике смелость — не состояние, которого нужно дождаться, а действие, которое можно совершить, не дожидаясь нужного состояния. Человек, который боится, но всё же набирает номер, — не обязательно тот, кому «хватило духу». Возможно, он просто разделил два вопроса: «Мне страшно» — это факт; «Что мне делать?» — решение. Они

могут существовать одновременно.

Чтобы действие стало возможным, его нужно уменьшить. Не «навести порядок в делах», а «открыть первый документ». Не «наладить отношения с коллегой», а «сказать ему доброе утро в понедельник». Маленький шаг можно сделать, даже если страх ещё не исчез. Не потому, что страх мал, а потому, что шаг посилен. Это не трусость и не компромисс, а правильная инженерия: задачу подбирают под имеющиеся возможности, а не пытаются подогнать возможности под задачу.

Ловушки, которые маскируются под разумность

Есть три ловушки, в которых люди чаще всего вязнут, когда речь идёт о страхе перед действием.

«Я подготовлюсь получше». Подготовка полезна, пока действительно помогает подготовиться. Но если седьмой пересмотр презентации ничего не добавил к шестому, это уже не подготовка, а отсрочка с обоснованием. Простой признак: подготовка перестала добавлять новое и лишь отодвигает действие.

«Сейчас не время». Иногда это правда, и глава 6 это учитывает. Но если «не время» повторяется годами и каждый раз совпадает с тревогой, возможно, тревога просто надела маску календаря. Проверьте: назвали ли вы условие и дату? «Сейчас не время — сначала закончу квартальный отчёт, а к вопросу вернусь 15-го» — это решение. «Сейчас не время» без даты — избегание.

«Я справлюсь потом, когда станет легче». Одного ожидания недостаточно, чтобы стало легче. Как мы говорили в пятой главе, уверенность и облегчение приносит опыт, а опыт появляется благодаря действию. Ожидание же тренирует обратное.

Как заметить эти ловушки в моменте? Обратите внимание на одно: обещание переносится в будущее без даты и условий. У разумного решения есть дата или условие; у избегания — только «потом».

Пример

Представим человека, который полгода собирается поговорить с руководителем о смене обязанностей. Он давно подготовил сценарий и аргументы — ещё с осени. Каждый понедельник решает: «На этой неделе». Каждый четверг — «На следующей».

Совет «соберись и просто зайди» он уже пробовал и заранее знал, что это не сработает. Лучше помогло другое: он уменьшил задачу до одного конкретного действия. Не «поговорить о смене обязанностей», а «запросить двадцать минут в календаре». Попросить о встрече проще, чем провести её. И, что важно, такую просьбу сложнее отложить с помощью прежних отговорок: она конкретна, а результат можно проверить.

Встречу удалось согласовать в тот же день. Разговор состоялся на следующей неделе — не идеально, с паузами и неловкостью, но состоялся. Прогноз «это разрушит наши от-

ношения» встретился с реальностью: руководитель выслушал его и предложил пересмотреть один пункт. Мозг получил новые данные.

Обратите внимание: для этого шага понадобилось ровно столько смелости, сколько требовалось, чтобы отправить приглашение в календаре. Остальное сделали правильное деление задачи на части и готовность действовать до того, как исчезнет страх. Страх не ушёл — да он и не был обязан уходить.

Что дальше по каталогу? В следующих главах мы разберём конкретные ситуации, в которых этот механизм срабатывает чаще всего. Начнём с одной из самых распространённых: звонка, который человек часами держит в телефоне.

Глава 8. Звонки, сообщения и переписка

Звонок — самое частое место, где всё описанное в первой части складывается в одну узнаваемую картину. Человек час держит телефон в руке. Составляет сообщение, стирает, пишет короче, снова стирает. Открывает контакт, смотрит на него, закрывает. Откладывает «на вечер», а вечером — «на завтра». Со стороны это выглядит как занятость, а изнутри — как осада.

Начнём с того, что именно здесь пугает.

Почему звонок — идеальная почва для страха

В звонке сходятся сразу несколько свойств, которые сигнализация воспринимает как признаки «повышенной опасности».

Неизвестно, ответят ли. Гудки — это пауза, за которую воображение успевает предложить три версии происходящего на другом конце провода. Не обязательно худшие — но все неопределённые.

Неизвестно, что скажут. В письме можно выбрать слова и перечитать их. В звонке — нет: реакция собеседника приходит в реальном времени, и отвечать нужно сразу, без черновика. Для мозга, который любит всё подготовить, это некомфортная зона.

Придётся решать на ходу. «А если он спросит о том, че-

го я не знаю?» — и вот воображение уже репетирует десяток сложных диалогов вместо одного реального. Обратите внимание на арифметику: перед звонком в голове проиграно тридцать сценариев, а в реальности случится один. Остальные двадцать девять — чистые затраты, оплаченные нервами.

Ничего нельзя исправить задним числом. Сказано — значит, сказано. В переписке сообщение можно отредактировать; в разговоре остаётся только пояснить. Отсюда ощущение, будто звонок — это выступление без права на дубль. Хотя это не так: любой разговор можно продолжить — например, сказать: «Кстати, вернусь к вчерашнему вопросу». Но тревога рисует его как единственный шанс.

По отдельности все эти свойства вполне переносимы. Вместе они превращают двухминутный разговор в экзамен.

Антидот: вернуть звонку его настоящий масштаб

Здесь поможет проверка из шестой главы: непосредственной угрозы нет, а прогноз «я скажу что-то не так» обычно основан не на фактах, а на паре давних неловких разговоров, значимость которых годами не пересматривалась. Дальше нужна не смелость, а конструкция.

Сформулируйте цель одним предложением. Перед тем как набрать номер, ответьте себе на вопрос: зачем я звоню? «Уточнить, во сколько встреча». «Спросить, получила ли бухгалтерия счёт». Одна фраза, записанная на бумаге, помогает сделать две вещи: не дать разговору расползтись и не

позволить тревоге расширить задачу до «выяснить всё».

Запишите два-три ключевых вопроса. Не составляйте диалог с готовыми репликами — такая репетиция только подкармливает воображение. Достаточно записать вопросы, которые нужно задать. Если разговор уйдёт в сторону, вернитесь к списку.

Определите приемлемый результат. Что будет успехом по минимальной планке? Не «собеседник в восторге», а «я спросил и получил ответ». Важно решить это заранее: без чётких критериев любой разговор можно впоследствии признать провалом — тревога сделает это автоматически.

Наберите номер. Между подготовкой и звонком не должно быть долгой паузы: если подготовка длится час, она уже стала способом уклониться. Всё перечисленное выше занимает три-пять минут.

После разговора коротко сверьтесь с фактами, не оценивая свои эмоции: передали ли вы сообщение, получили ли ответ, договорились ли о следующем шаге. Если на все три вопроса можно ответить «да» — разговор состоялся, каким бы неловким он ни казался изнутри.

Когда сообщение — не способ отложить разговор

Письмо и сообщение — полноценные инструменты. Не нужно считать, что «настоящая смелость» — это только звонок. Списки, цифры, ссылки, зафиксированные договорённости — всё это удобно обсуждать письменно. Вопрос «Не могли бы вы прислать условия в письменном виде?» тоже

обычно лучше задать письмом.

Проверка проста. Письмо уместно, когда задача лучше решается текстом, ответ не срочный или вам нужно время, чтобы подобрать формулировку.

Письмо становится способом отложить разговор, если вопрос требует двустороннего обсуждения, текст переписывается по кругу сорок минут или за ним скрывается желание «лишь бы не звонить». Это можно заметить по тому, что после отправки легче не становится, а исходный вопрос остаётся нерешённым.

Один полезный приём на границе этих случаев — написать письмо и сразу предложить время для звонка: «Я пришлю подробности. Давайте созвонимся в четверг». Текст подготовит почву, а звонок поможет решить вопрос.

Ловушка в обратную сторону: послесвечение

У переписки есть тревожная зона, которой нет у звонков: момент после отправки.

Сообщение ушло — и начинается перечитывание. Своего же текста, в восьмой раз. «Не слишком ли резко? Не показалось ли, что я капризничаю? Надо было поставить смайлик вместо точки». Пальцы тянутся отправить поправку: «То есть я имел в виду…» Через час — уточнение. Через два — ещё одно.

Это та же волна из третьей главы, только направленная назад, в прошлое. Собеседник мог прочитать сообщение и вернуться к своим делам, а отправитель рассматривает его

под лупой и пытается угадать чужую реакцию по одному знаку препинания.

Что помогает? Во-первых, признать: поправки после отправки почти никогда не делают сообщение лучше — зато растягивают переписку и могут усилить тревогу у получателя. Во-вторых, установить правило закрытой двери: отправил — и не возвращаешься к сообщению до ответа. Не перечитываешь, не дополняешь, не извиняешься заранее. Если очень хочется что-то исправить, запиши это в заметки и вернись к записи через час. Обычно тогда становится ясно, что поправлять нечего. В-третьих, помнить: у собеседника есть свои дела — дети, совещания, очередь на кассе. Два часа молчания чаще всего означают всего лишь два часа его жизни, а не подготовку к отказу.

Отдельно — о ситуации «прочитано, но не отвечено», которую переписка добавила к человеческим страхам. Прочитанное сообщение без ответа — это не обязательно «ты мне безразличен». Чаще это означает: «Заметил, отвечу позже», — а у занятого человека это «позже» может измеряться днями. Если ответ нужен к определённому сроку, вполне уместно напомнить о себе через пару дней. Если сроков нет — можно подождать. Секундомерное отслеживание отметки «прочитано» — не способ контролировать ситуацию, а способ контролировать собственное воображение. Причём самый неудачный: данных оно не даёт, зато исправно расходует топливо.

Пример

Представим человека, которому нужно позвонить в коммунальную службу: сумма в счёте кажется ошибочной. В голове звучит знакомая лента: «Начну говорить сбивчиво», «Меня перебьют», «Потеряю мысль и расплачусь».

Он действует по списку. Цель: «Выяснить, почему сумма в счёте больше обычной». Вопросы: «Какой тариф применён?» и «Можно ли прислать пересчитанный счёт?» Приемлемый результат: «Узнать причину — даже если пересчёта придётся ждать неделю».

Звонок длится четыре минуты. Оператор отвечает спокойно: при начислении произошёл сбой, счёт обещают пересчитать. По фактам — три пункта «да»: спросил, узнал, договорился о следующем шаге.

Примечательно, что в голове разговор репетировался целый час и каждый раз заканчивался конфликтом. В реальности — четыре минуты и никакой драмы. Это не правило для всех звонков: встречаются и хамоватые операторы, и зависающие линии. Но статистику собственной тревоги стоит вести честно: сколько раз ваши репетиции совпадали с тем, что происходило на самом деле?

Дальше по каталогу — родственный случай, где тот же механизм прячется за другими словами: не «не могу позвонить», а «всё никак не начну». Следующая глава — о прокрастинации.

Глава 9. Начать дело: прокрастинация как форма страха

У прокрастинации дурная репутация: её считают проблемой лени, самодисциплины и силы воли. Люди годами ругают себя за откладывание, ставят напоминания, скачивают приложения для планирования — и всё равно к дедлайну протирают стол вместо того, чтобы делать нужную работу.

Если бы дело было только в лени, проблему решала бы дисциплина. Но часто она не помогает — и вот почему: то, что называют прокрастинацией, нередко оказывается не недостатком воли, а избеганием в тихой форме. Тем самым механизмом из седьмой главы, только без телефона и гудков.

Как выглядит откладывание изнутри

Со стороны прокрастинация маскируется под занятость. Человеку нужно написать отчёт, а он приводит в порядок рабочее место: сортирует почту, обновляет таблицы, отвечает на письма, которые могли бы подождать. Все эти действия вполне полезны и даже приятны. Он не сидит без дела — он делает всё, кроме одного.

Изнутри это может звучать так: «Сделаю, когда будет настроение». «Сделаю, когда появится время». «Сначала разберусь со старыми делами, потом возьмусь». «Ничего не выйдет: вчера попробовал и застрял на первой странице». «Нужно сначала всё обдумать».

Каждая из этих фраз по отдельности выглядит разумной. Проблема не в самой фразе, а в её бездонности: нужное настроение всё не приходит, «сначала» не заканчивается, а обдумывание повторяется без новых данных.

Есть и менее очевидный вариант: человек не начинает, потому что замысел должен быть идеальным. Он хочет заняться спортом — и месяц выбирает кроссовки. Хочет вернуться к языку — и неделю подбирает учебник. Всё это похоже на подготовку, но если подготовка не переходит в действие, она сама становится ловушкой.

Почему откладывание усиливает страх

Механизм здесь тот же, что в седьмой главе, но есть важная надстройка — она и делает прокрастинацию такой живучей.

Дело, которое долго не начиналось, обрастает собственным весом. Каждый день отсрочки добавляет слой вины: «Я до сих пор не начал». От этого неприятного чувства тоже хочется отвлечься, и снова на помощь приходят замены: почта, таблицы, видео «для фона».

Логика замыкается: чем дольше человек не начинает, тем страшнее приступить. Теперь он боится и провала, и накопившейся вины за откладывание. Дедлайн приближается, и в какой-то момент единственный способ закончить работу вовремя — взяться за неё в панике, в последнюю ночь.

И тогда происходит то, что окончательно усложняет дело: спасает сам страх. Работа сделана на адреналине, сдана в

срок — и мозг записывает: «Вот как я работаю: в последний момент, под страхом». В следующий раз задача кажется ещё страшнее, и адреналин снова нужен. Этот круг может длиться годами и даже выглядеть как черта характера: «Я человек, который работает в последний момент». Но дело не в характере, а в зависимости от волны тревоги, которую человек сам выращивает.

Как отличить страх от честного «не сейчас»

Важная оговорка: не каждое откладывание вызвано страхом.

Иногда дело действительно не стоит делать сейчас. Иногда его не стоит делать вовсе, и человек смутно это чувствует, но не решается признать, потому что «надо». Бывает и так, что у человека просто нет сил: он болен, вымотан или занят чем-то более важным. Называть всё это прокрастинацией — значит стыдить человека за нормальные решения.

Проверить себя помогут вопросы из шестой главы, но с одной поправкой.

Честное «не сейчас» имеет срок или условие. «Возьмусь после отпуска — 14-го числа». «Займусь этим, когда закончится приёмка». Дата и условие названы, человек их помнит. У страха за словом «потом» нет ни того ни другого: спросите себя, когда именно вы начнёте, — и обнаружите, что ответа нет, есть только отсрочка.

Честное «не хочу» отличается от страха. Есть дела, которые вам просто неинтересны. Их можно поручить ко-

му-то, автоматизировать или выполнить быстро, не вкладывая лишних сил. Страховое «не хочу» устроено иначе: дело хочется сделать, результат нужен, но приступить не получается. Если вы мечтаете о готовом результате, но не можете начать работу, дело, скорее всего, не в лени, а в страхе перед стартом.

Антидот: снизить планку старта

Проблема в том, что человек задаёт себе слишком высокую планку: «начать» для него значит сразу сделать хорошо. И именно эта планка мешает приступить.

Помогут три приёма. Они просты, почти банальны, но работают по одному принципу: сделать первый шаг настолько небольшим, чтобы страх не успел его опередить.

Двухминутный старт. Договоритесь с собой поработать две минуты — не больше. Не «написать отчёт», а «открыть документ и набрать заголовок». Не «разобрать корреспонденцию», а «разделить стопку на две части».

Самое трудное — начать: сигнализация сопротивляется именно старту, а не продолжению. Две минуты — срок, против которого страху обычно сложно возразить. Что будет потом — отдельный вопрос: часто человек остаётся за работой ещё на полчаса. Но обязательство — только две минуты. И это принципиально: обещание, которое легко сдержать, помогает закрепить мысль «я справляюсь», а не «я опять не начал».

Грязный первый вариант. Разрешите себе написать заве-

домо плохую первую версию: кривые таблицы, сбивчивый текст, набросок без выводов. Прокрастинация держится на убеждении, что начать — значит сразу сдать экзамен. Грязный черновик отменяет экзамен: он нужен не для оценки, а просто для того, чтобы появиться. Плохой текст можно отредактировать; пустой — не из чего редактировать. Поэтому первое, что нужно сделать, — хоть что-то, что потом можно будет переделать.

Назначенный час. Не «на этой неделе», а «в среду в 10:30». Конкретное время превращает намерение в событие календаря и избавляет от бесконечного вопроса: «Сейчас или не сейчас?» В назначенный час не нужно спрашивать себя, хочется ли работать. Нужно просто сесть за дело на две минуты. Настроение — не условие для старта, а возможный результат.

Отсюда следует главное правило этой главы: не ждать настроения, а заранее назначить действие. Привычная последовательность «сначала появится настроение, потом начну» почти никогда не работает. Обратная — «сначала начну, потом, возможно, появится настроение» — часто работает: тело и мозг втягиваются в процесс. Это не значит, что работать нужно только силой воли. Это значит, что ждать подходящего состояния, прежде чем начать, — ошибка последовательности, а не слабость.

Ловушки

«Я готовлюсь». Подготовка без даты перехода к делу —

всё та же отсрочка. Признак: материалов накопилось на три года вперёд, а первый черновик по-прежнему пуст.

«Мне нужен правильный инструмент». Новая программа, новая тетрадь, новый курс. Но инструмент не пишет работу. Если после его покупки вы так и не начали, значит, инструмент был не причиной.

«Я занимаюсь понемногу, но регулярно». Коварная ловушка: она звучит почти как похвала. Но иногда «понемногу» означает три минуты раз в неделю — ровно столько, чтобы не признать, что дело не продвигается. Регулярность — это не частота, с которой вы садитесь за стол, а частота шагов, которые двигают работу вперёд. Подмена одного другим помогает чувствовать себя занятым, не продвигаясь к результату.

Наказание вместо уменьшения задачи. «С завтрашнего дня — два часа в день, без исключений». Обещание, данное из страха, само усиливает тревогу: раз уж начинать, то сразу на максимуме, чтобы не сорваться. Но любое жёсткое правило может нарушиться — и тогда добавится вина за срыв. Планку нужно снижать, а не повышать.

Пример

Представим человека, который полгода собирается обновить резюме. Работа его не радует, но уходить он пока не готов. Резюме нужно хотя бы для того, чтобы понять свою цену на рынке. Планка звучит так: «Сесть и всё переписать, разложить опыт по полочкам, сформулировать достижения».

Неделя за неделей задача остаётся невыполненной.

Тогда он пробует двухминутный старт: открывает старое резюме и переписывает одну строку — должность. Только одну. На двенадцатой минуте он замечает, что дописал ещё три строки: не потому, что заставил себя, а потому, что следующая строка напрашивалась сама. Через двадцать пять минут сессия заканчивается. Резюме пока не идеальное, зато перед ним уже черновик с пропусками.

После четырёх таких сессий у него есть версия, которую можно отправить в ответ на вакансию. Прогноз «я не смогу это оформить» столкнулся с реальностью: на работу ушло четыре подхода примерно по двадцать минут. Не потому, что он стал дисциплинированнее, а потому, что перестал ждать от первой сессии готового результата.

Что дальше по каталогу? Следующие две главы — о случаях, когда страх перед действием проявляется в более крупном масштабе. Сначала — перемены, где страх иногда ближе к правде. Затем — деньги, где ошибку видно в цифрах.

Глава 10. Перемены: переезд, новая работа, начало заново

До сих пор в этом каталоге страх чаще всего ошибался: звонок не был медведем, просьба — тоже. Но бывают ситуации, когда неопределённость реальна, а цена ошибки высока. Переезд в другой город. Смена профессии в сорок лет. Возвращение к жизни после долгого перерыва — болезни, декрета, ухода из своей сферы. Здесь сигнализация срабатывает не на пустом месте: действительно трудно заранее понять, как всё сложится. И действительно можно ошибиться.

Именно эта честность создаёт особую ловушку. Услышав собственное «это серьёзно», человек может сделать два разных вывода, не замечая разницы. Первый: «Риск реален, нужно подготовиться» — это верно. Второй: «Риск реален, значит, лучше и не начинать» — а вот это уже подмена: наличие риска никогда не было аргументом против сбора информации.

Перемены страшны не потому, что непременно плохи, а потому, что плохо освещены. Катастрофа достраивается воображением именно там, где не хватает данных: в тумане можно нарисовать что угодно.

Отделить опасение от прогноза

Первый шаг — тот же, что и в других случаях: записать, чего именно вы боитесь. Но список здесь будет длиннее и

серьёзнее — и это нормально. Не нужно обесценивать свои опасения.

Возьмите лист бумаги и запишите всё как есть: «останусь без денег», «не найду квартиру», «на новом месте будет хуже, чем здесь», «поздно менять профессию», «дети не адаптируются». Затем проверьте каждый пункт по алгоритму из шестой главы — с поправкой на масштаб. Это не минутная проверка между делом: серьёзные решения требуют серьёзной проработки. Для каждого пункта задайте два вопроса: сколько это будет стоить в худшем случае — в деньгах, времени, нервах? И что можно сделать, чтобы снизить эту цену?

Именно здесь становится видна разница между обоснованным опасением и катастрофическим прогнозом. «Переезд потребует денег, и расходы нужно посчитать» — обоснованное опасение. «Переезд всё разорит» — прогноз, который нельзя проверить, пока не сделан расчёт. До этого момента перед нами лишь тревога, которая говорит громко и выдаёт себя за факт.

Иногда катастрофа рассыпается уже при первом подсчёте: оказывается, что цена ошибки — не разорение, а пара месяцев с урезанным бюджетом. Бывает и наоборот: расчёты показывают, что бюджет не выдержит переезда. Это тоже результат проверки — и хороший. Вместо «мне страшно, поэтому я не решаюсь» появляется ясный вывод: «сейчас это не по средствам, но через год может стать возможным». Если страх заранее указал на реальное препятствие, значит, он

сработал как система раннего оповещения. Для этого он и нужен.

Что проверить, а не что решить

Ключевой ход этой главы — заменить вопрос «решаться или нет?» вопросом «что мне нужно узнать?». Большой выбор парализует, потому что кажется одним прыжком. Но крупные перемены почти никогда не требуют прыжка: обычно это серия небольших шагов, каждый из которых можно проверить и — что особенно важно — при необходимости отменить.

Поможет список вопросов на ближайшую неделю. Не «как я устроюсь на новом месте?», а: «какие три района стоит посмотреть?», «сколько стоит аренда в каждом?», «кто из знакомых там жил и что может рассказать?». Не «подходит ли мне новая профессия?», а: «что читают люди этой специальности?», «с кем из работающих в этой сфере можно поговорить?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.